

Художник и время

ПРОНИКНУТЬ в творческую лабораторию, где идет сложный процесс создания нового произведения — всегда интересно, и тем более увлекательно, когда разговор заходит о принципах творчества, о позиции художника, об отношении им своей роли в искусстве, своего призвания. Именно это и было главной темой нашей беседы с народным артистом СССР Алексеем Давидовичем Мачавариани. Не сразу, не легко раскрывает он перед собеседником те мысли и планы, которые вынашивались многие годы, в которых — суть его творчества.

На письменном столе появляется стопка записных книжек, уже изрядно потрепанных от частого употребления. В них нет нотных линейек, набросков музыкальных тем, но собранный здесь богатый материал имеет непосредственное отношение к творчеству композитора — это мысли об искусстве, заметки о событиях музыкальной жизни, наброски планов, замечания по поводу произведений искусства — все то, что питает творчество, дает толчок работе мысли.

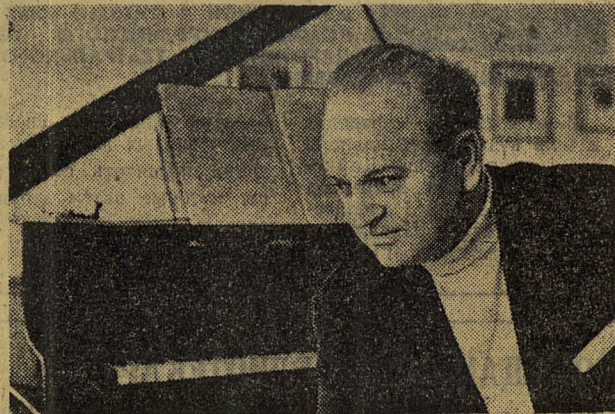
И вот разговор переходит на тему, которая уже давно зрела подспудно. Внутренне собранный, сосредоточенный, Алексей Давидович говорит о главном:

— Самым интересным лично для меня в процессе творчества является момент формирования музыкальной мысли, процесс ожидания ее появления. А когда музыка зазвучит — там роль создателя уже окончена, и автор

превращается в критика. Тогда я слушаю произведение как чужое и с полным правом могу критиковать его самым беспощадным образом.

Музыкальные произведения отличаются тематикой и творческими задачами, в них воплощены разные мысли, и все же основное, что должно отличать их, — это поиски новых музыкальных средств, выражений музыкального языка, иначе интерес к ним ослабевает. В каждом произведении я стараюсь найти черты, которые придадут ему своеобразие. Эти поиски не являются самоцелью, они служат главной задаче — более четко, ясно выразить те мысли и

ощущения художественные средства, и «Монологи» служили мне как бы для создания «равновесия» между сугубо национальным и широко обобщенным музыкальным языком. Я обратился к произведениям поэта, чье творчество ярко национально и в то же время отмечено широчайшим диапазоном общечеловеческих мыслей, которые по своим тенденциям сродни шекспировскому размаху. Чтобы воссоздать в музыке все многообразие красочного языка и внутренней философии Важа Пшавела, надо было найти более современные средства музыкальной выразительности. Насколько это удалось, мне су-

Современность — основа творчества

дить трудно, но задача эта увлекла меня. И теперь я не перестаю думать о дальнейшем «озвучении» Важа Пшавела.

От Шекспира, Руставели, Важа Пшавела мы вновь возвращаемся в день сегодняшний, ибо именно современность стимулирует работу художника, становится основой его произведений. И, конечно, в разговоре о принципах художественного творчества эта тема не могла не занять большого места.

— Для всех времен вопросы дня сегодняшнего, современного звучания произведений искусства всегда стояли остро и были главными для самых талантливых художников, представителей своей эпохи. Эта острота в

постановке вопроса не снижается и в наши дни.

Безусловно, «золотое сечение», самое дорогое в архитектуре, ценно и в других видах искусства. Для массы слушателей, любителей искусства предпочтительнее, понятнее эта золотая середина. Но для художника важно именно стремление вперед.

В этой борьбе многие ошибаются, впадают в крайности, но есть и счастливые моменты, когда найдено то новое, которое освещает путь в будущее. Конечно, борьба между традиционалистами и искателями новых путей идет острая, но в этой борьбе рождается истина. Даже творчество Сергея Прокофьева считалось дерзким

своеволием, хотя сегодня всем ясно, какую большую роль сыграл он в развитии русской музыкальной культуры и какой гордостью советской музыки является сейчас его творчество, ставшее уже классикой.

Человеку свойственно вечное стремление познать природу, проникнуть в тайны ее красок, звуков, форм. Это движущая сила искусства, ибо нет предела стремлению художника к вечному поиску, к открытию нового во имя совершенства. Если бы человек мог сразу все увидеть, понять, открыть, то с этого момента искусство остановилось бы в своих вечных поисках.

Мы часто говорим о сохранении традиций, о вдохновении, которое художник

черпает в народном творчестве. Но неверно было бы утверждать, что только эти источники питают творчество. Композитор создает нечто новое, порой на первый взгляд непривычное, даже неприемлемое. И все же стремление обогатить искусство, наполнить его новыми красками, оснастить новыми средствами, дать ему возможности доселе неизвестные — это необходимое качество художника.

Здесь выступает еще один компонент — чувство художественной меры. Ведь понятие новаторства в искусстве может быть наполнено разным содержанием. Именуя себя новаторами и приверженцы абстрактной музыки. Но их отрицание идейного содержания музыки, отрицание мелодического рисунка, а порой и высоты звука сводит это «новаторство» к формальному экспериментированию, которое можно определить, как своеобразный музыкальный мистицизм или, точнее, мистификацию.

Чтобы не поняли меня превратно, уточню, что речь идет не об абстрагировании в искусстве, не об этой неотъемлемой форме художественного мышления, которая дает художнику средства к широким обобщениям, — но об абстракции, разрушающей само понятие музыки и ничего общего не имеющей с подлинным новаторством.

Плодотворные поиски нового никогда не отрываются от реального многообразия и противоречий действительности, от высочайших достижений человеческого опыта. И вновь — диалектическая

двойственность: слишком часто возвращаясь к великим образцам прошлого, питаюсь лишь его соками, художник рискует прийти к современному примитивизму.

Хотим мы того или нет, время привносит в искусство новые черты и звучания, мы начинаем иначе ощущать и видеть красоту — и лучшим доказательством этого является наша творческая молодость. Никогда не уйти от тенденции молодых по-новому видеть все, оценивать прошлое и будущее. Подчеркиваю это потому, что в течение многих лет мне приходится, работая в консерватории, тесно общаться с молодежью и не только передавать знания, но и воспитывать характер. В этом постоянном общении с молодыми происходит взаимный процесс обогащения, который помогает и педагогу до конца сохранить творческую молодость — самое главное качество художника.

Не обходится и без трудностей: молодежи свойственно увлекаться, порой она воспринимает новое некритически, недостаточно зная старое, порой принимает чужую мишуру, не видя своего собственного богатства.

У молодых грузинских композиторов есть широкое поле деятельности: народное творчество представляет им богатейшие сокровища многовековой культуры, в частности, такой неиссякаемый источник вдохновения, как грузинское многоголосие.

Нередко работы молодых композиторов вызывают споры, их критикуют за то, что они отошли от грузинского стиля. Но ведь понимание на-

ционального в музыкальном творчестве не всегда стабильно, и, может быть, именно они создают этот новый стиль?

Последний наш традиционный вопрос — о творческих планах композитора.

За последние годы грузинская музыка достигла значительных успехов. Творчество таких композиторов, как А. Баланчивадзе, Ш. Мшвелидзе, О. Такташвили, С. Цинцадзе, обогатило наше национальное искусство. Но я считаю, что новые работы Д. Торадзе (симфония № 2), С. Насидзе (камерная симфония), В. Квернадзе («Ода» для хора и оркестра), Р. Габичвадзе («Гамлет»), Г. Канчели (симфония № 2), Ф. Глonti (симфония № 3), произведения Н. Габуния, В. Азарашвили, Р. Карухишвили, Н. Сванидзе и некоторых других более молодых композиторов расширяют наше понимание новой грузинской музыки. Советские композиторы имеют неограниченные возможности для творческой работы. Ни одна страна не заботится так о развитии искусства, как наша Советская страна. Это с новой силой подтвердил XXIV съезд КПСС.

— Не всегда получается так, как предполагаешь, — говорит Алексей Давидович. — Планов много, хочу больше работать в камерной музыке, но пока на очереди — крупные полотна, ждущие окончания.

А. БАХТАДЗЕ.

НА СНИМКЕ: А. Д. Мачавариани.

Фото О. Лукьянцева.